

#Ученичество. 2022. Вып. 1. С. 54–62.
#Apprenticeship. 2022. Issue 1. P. 54–62.

Научная статья
УДК 82-93(470)

В. БИАНКИ В КНИГАХ ДЛЯ ЧТЕНИЯ 1920–30-х гг. (о хрестоматизации творчества писателя)

З. В. Климас¹
С. Г. Маслинская²

¹ НИУ «Высшая школа экономики» (Санкт-Петербург)
² Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН

Аннотация. Популярность творчества В. Бианки в 1920–1930-е годы определила интерес к нему составителей хрестоматий для обучения чтению. Одни авторы включали произведения натуралиста без изменений, другие составители значительно перерабатывали тексты. На примере его произведений, включенных в книги для чтения 1920 – начала 1930-х гг., целесообразно изучать приемы обработки беллетристического текста при помещении его в хрестоматию. Инерция хрестоматизации произведений, предназначенных для обучения чтению, проявляется в редуцировании тех элементов, которые контрастируют со сложившимся представлением об образцовом хрестоматийном тексте. Основными признаками такого текста являются линейное повествование с одним–двумя персонажами, лишенное конкретных деталей описание места и времени действия, отсутствие указаний на конкретные прототипы событий и их очевидцев. Опираясь на это представление об учебном тексте, авторы книг для чтения сокращают в текстах Бианки описательные детали, разреживают количество персонажей, генерализируют события и в конечном итоге трансформируют нарративную специфику (аннигиляция нарратора и монтажных принципов композиции), устраняют авторские идейные интенции. Таким образом, переработка произведений В. Бианки приводила к критичным искажениям их естественнонаучного и этического содержания, а также частичному или полному разрушению их экспериментальной специфики.

Ключевые слова: Виталий Бианки, книга для чтения, хрестоматизация, зообеллетристика, «Лесная газета».

Scientific Article
UDC 82-93(470)

VITALY BIANKI IN THE SCHOOL ANTHOLOGIES IN THE 1920S-1930S (ON THE REVISIONS UPON INCLUSION IN THE ANTHOLOGIES)

Z. V. Klimas¹
S. G. Maslinskaya²

¹ Russian Academy of Sciences (IRLI)
(St. Petersburg, Russia)
² Institute of Russian Literature (Pushkinskij Dom)

Abstract. The popularity of Vitaly Bianki's work in the 1920s and 1930s determined the interest of writers in reading anthologies for the elementary school books. Some authors included the naturalist's works unchanged, while others revised the texts considerably. The aim of the study is to examine the methods of editing the fiction text when placing it in the anthology on the example of the works of V. Bianki included in the reading books of the 1920s and early 1930s. The novelty lies in the fact that the inertia of the anthologization of works aimed at teaching reading appears in the reduction of those elements that contrast with the prevailing idea of an exemplary text. The main features of such a text are a linear narrative with one or two characters, a description of the place and time of action that lacks

specific details, and the absence of references to specific prototypes and their witnesses. Based on this notion of the educational text, authors of reading books reduce descriptive details in Bianki's texts, sparse the number of characters, generalise events and eventually transform narrative features (annihilation of the narrator and montage principles of composition) and eliminate the author's ideological intentions. The results are as follows: editing the works of Vitaly Bianki led to critical distortions of their natural science and ethical content, as well as partial or complete destruction of their experimental specificity.

Keywords: Vitaly Bianki, elementary school books, reading books, anthologization, animal fiction, the "Lesnaya Gazeta".

© Климас З. В., Маслинская С. Г., 2022

© Klimas Z. V., Maslinskaya S. G., 2022

Виталий Бианки дебютировал в 1923 г. в журнале «Воробей» с рассказом «Путешествие красноголового воробья». В последующие годы выпуск журнальных версий его произведений и их книжных изданий шел по нарастающей. Начиная с первой книжки в 1924 г. произведения В. Бианки публиковались каждый год до 1940 г⁴. Их количество выросло в четыре раза – с 7 изданий в 1924-м до 28 – к 1930 г. Тиражи были весьма высоки по тем временам: суммарный тираж книг в 1924 г. составил 43500 экземпляров, а в 1930 г. – 825000. Столь высокая популярность писателя определялась не столько новой темой (натуралистическая проза к 1920-м гг. уже уверенно была представлена на книжном рынке для детей), сколько новыми нарративными приемами в его творчестве. Новаторство Бианки распространялось и на композицию, и на жанровые эксперименты, и на приемы повествования [Маслинская, 2020]. Монтаж как основной прием создания произведения, эксперименты с нелитературными жанрами письма (газетой, фельетоном и пр.), введение в повествование фигуры наблюдателя – эти и другие свойства прозы Бианки определили его быстро растущую популярность как у детей, так и у взрослых экспертов.

Неудивительно, что при составлении хрестоматий для чтения произведения В. Бианки также оказались востребованы. Тексты писателя появляются в советских учебных книгах практически сразу после первой публикации: «Путешествие красноголового воробья» уже на следующий год помещается в хрестоматию И. Сверчкова [Сверчков, 1924, с. 122–128], вышедшую в Государственном издательстве в Ленинграде. В том же году в Новониколаевске в книге для чтения публикуется рассказ «Сколько у кого детей» (без указания авторства) [Венгров, Осмоловский, 1924, с. 151]. В 1925 г. можно обнаружить переработанные тексты «Кто чем поет» и «Чей нос лучше» под одноименными заголовками [«Зеленый шум», 1925], «Чьи это ноги» [Соколов, Соколова, 1925] (републикация в: [Соколов, 1929]), последний рассказ появляется и на страницах советского учебника и в 1927 г. в содержании рабочей книги «В родном краю» [Васильев, 1927]. В пособие «Прочитай и расскажи» включены четыре рассказа В. Бианки в исходном авторском виде: «Кукушонок», «Первая охота», «Чьи это ноги» и «Кто чем поет» [Канарская, Фарафонтова, 1927]. Учебник «В новой школе» за 1929 г., помимо текстов из «Лесной газеты», содержит в сокращенном виде и рассказ «Чей нос лучше».

Особой популярностью у составителей хрестоматий пользовались тексты из «Лесной газеты», которая выходила в журнале «Воробей» («Новый Робинзон») в 1924–1925 гг. Переработанные варианты текстов Бианки в книгах для чтения

⁴ Все количественные данные приведены на основании библиографического указателя И. И. Старцева [Старцев, 1933], [Старцев, 1941].

встречаются регулярно: «Бесплатные столовые» [«В новой школе», 1929, с. 212–213], «Замороженные лягушата» [«В новой школе», 1929, с. 213], «Лесной оркестр» [Устинов, 1925, с. 25–26], «Первая телеграмма из лесу» [Фортунатова, 1933, с. 72], «Сколько у кого детей?» [Венгров, Осмоловский, 1924, с. 151], «Сосунки в лесу» [Алексеева, Беляков, Орлова, Флеров, 1932, с. 84–85], «Холодно в лесу, холодно» [«К новой жизни», 1930, с. 243–245] и др.

Рассматривая использование текстов Бианки в хрестоматиях диахронически, можно обнаружить, что к 1930-м гг. писатель существенно укрепляет свои позиции в школьном каноне. Если в 1924 г. к рассказам Бианки обращаются авторы только двух хрестоматий, то через пять лет произведения писателя встречаются уже в шести учебных изданиях, среди которых есть и весьма тиражные (например, «Игра и труд» [Соколов, 1929] и «Ясное утро» [Флеров, 1929]). С 1933 года 7 рассказов из «Лесной газеты» входят в состав многотиражного учебника Е. Я. Фортунатовой «Книга для чтения» [Фортунатова, 1933]. Из 64 хрестоматий, изданных в период с 1925 по 1935 гг., в 16 из них были обнаружены произведения Бианки (в том числе опубликованные без указания авторства). Всего в хрестоматиях рассматриваемого периода можно насчитать 23 текста Бианки, самые частотные из которых – «Чей нос лучше» и «Чьи это ноги» (оба они встречаются трижды в разных изданиях).

Против фрагментации и антропоморфизма

При включении художественного текста в книги для чтения они, как правило, подвергаются обработке. Как пишет исследовательница школьных хрестоматий А. Сенькина, «для того чтобы фрагмент казался автономным и самодостаточным, нередко составители не только старались выбрать из художественных произведений часть, представляющую собой единое целое по своему содержанию и художественной форме, но и сами делали его таковым, подвергая логической и синтаксической обработке. В том случае, когда выбранный фрагмент повествует о каком-либо событии (или событиях), это событие перестает быть органичной составляющей макросюжета и становится основой нового, самостоятельного повествования. Одновременно теряются исходные и возникают новые смысловые связи и акценты» [Сенькина, 2014, с. 357].

Этому общему принципу следуют и составители хрестоматий, использовавшие произведения Бианки. В хрестоматии «Зеленый шум» за 1925 г. можно обнаружить переработанные тексты «Кто чем поет» и «Чей нос лучше» под одноименными заголовками. Если сравнить этот материал с рассказами, опубликованными издательством «Радуга» в 1924 г. [Бианки, 1924], то можно обнаружить, что исходные тексты сильно сокращены. Составители вырезали из текста «Кто чем поет» фрагменты о выпи, лесном жуке и бекасе, в то время как описания лягушек, аиста, дятла, шмеля и саранчи остались. Текст «Чьи это ноги», вошедший в книгу для чтения «День за днем», составители переработали еще более серьезно [Соколов, Соколова, 1926, с. 129–130]. А. Ф. Соколова и К. Н. Соколов не только сократили исходный текст, сохранив при этом общую идею (знакомство с ногами птиц), но подобрали замену основным и второстепенным персонажам. Теперь это не диалог между Жаворонком и Медяной, а разговор сына с отцом, который рассказывает первому об особенностях анатомии птиц.

Засмотрелся Ваня на этот рисунок и кричит:

– Тятя, смотри, какие ходули. Разве эта птица не летает?

– Журавли-то? Разве ты не видел, как они летели у нас весной? Но ведь они живут в болоте. Ходят они там и высматривают змей да лягушек. С малыши ногами такой работой не займешься.

Взглянул Ваня на другой рисунок и говорит отцу:

– Посмотри, а у этой птицы еще смешнее ноги. Какие они неуклюжие, широкие! Смотри, какие перепонки между пальцами!

– Да ведь это же наш гусь. Гусь тоже водная птица, – сказал отец. – По земле с такими ногами ходить трудно, но в воде с ними очень удобно: повернешь боком, – они воду, как ножом, режут; растопыришь пальцы, – и весло готово.

– А вот посмотри, какие я тебе покажу сейчас ноги. – И отец показал Ване ноги с четырьмя крючковатыми пальцами и длинными острыми когтями [Соколов, Соколова, 1926, с. 129–130].

Редакторы рассматриваемой книги кардинально меняют оптику рассказа: птицы представляются через призму человеческого взгляда. Кроме того, в целях упрощения естественнонаучного содержания чомга-нырец сменяется гусем. Таким образом обработанный текст с одной стороны демонстрирует отказ от антропоморфизма в изображении животных, а с другой – очевидно отсылает к просветительской традиции предъявления ребенку научного знания и напоминает уже анахронистические к началу XX века приемы катехизисного типа изложения естественнонаучного знания. Важно подчеркнуть, что об анахроничности мы говорим применительно к беллетристическому типу письма, в то время как в научно-популярной детской литературе (различных энциклопедических изданиях и т. п.) вопросно-ответная форма сохраняет свои позиции и в 1920-е гг., и позднее.

Группировка представителей животного мира по тем или иным анатомическим признакам позволяет Бианки эффективно охарактеризовать большое количество животных в одном рассказе, практически воплощая линнеевскую таксономию в беллетризованной форме. Для многих коротких произведений Бианки характерна многонаселенность персонажами: количество их колеблется в районе 8–15 (в рассказе «Чьи это ноги» можно насчитать девять представителей одной среды обитания, а в рассказе «Кто чем поет» – восемь). В рассказе «Чей нос лучше» Бианки упоминает десять видов птиц, а в хрестоматии исходная задача познакомить с анатомией птиц сворачивается до характеристики одной птиц.

Мухолов-Тонконос сидел на ветке и смотрел по сторонам. Как только полетит мимо муха или бабочка, он сейчас же погонится за ней, поймает и проглотит. Потом опять сидит на ветке и опять ждет, высматривает.

– Очень уж ему утомительно пропитание себе добывать [Соколов, Соколова, 1926, с. 231].

Книга для чтения не разворачивает перед юным читателем панораму видового разнообразия, ее задача иная – предложить для чтения текст, исходя из особенностей рецепции начинающего читателя, не перегружать его обилием информации. Такой подход влечет за собой коренную трансформацию исходного авторского текста: просветительские цели Бианки вступают в противоречие с задачами обучения чтению, для решения которых текст должен стремиться к линейной нарративной прозрачности (в том числе и за счет малого количества персонажей).

Чуть более развернутый вариант дается спустя три года в хрестоматии 1929 г.

Мухолов-Тонконос сидел на ветке и смотрел по сторонам. Как только полетит мимо муха или бабочка, он сейчас же погонится за ней, поймает и проглотит. Потом опять сидит на ветке и опять ждет, высматривает.

Очень уж ему утомительно, пропитание себе добывать. Целый день трудится, трудится, ни отдыха, ни покоя не знает, а все впроголодь живет.

Сами подумайте: сколько мошек надо поймать, чтобы сытым быть. А зернышки клевать он не может: нос у него слишком тонок [«В новой школе», 1929, с. 340–341].

Составитель хрестоматии меняет лицо повествования (с первого на третье), переадресует обращение («сами подумайте») с персонажа (Дубоноса) на читателя-ребенка, очевидно делая это для усиления дидактического эффекта.

К особенностям нарративного строения ранних произведений Бианки стоит отнести и дискретность при описании тех или иных явлений природы, и фрагментацию животного (и, соответственно, фрагментацию «картинки»). Читатель должен составить своё мнение о существе по одной части его тела. Так, в рассказе «Чей нос лучше» автор сопоставляет и объединяет птиц по их клювам, в книжке «Чьи это ноги» – по ногам, «Кто чем поет» – по звукам, издаваемым животными. Такой подход к созданию образа мира – часть авангардного его видения в 1920-е гг., когда мир распадается на части и заново собрать его должен сам наблюдатель. Однако при попадании в хрестоматию это новое мировоззрение уступает место линейной дескриптивности.

При переработке произведений Бианки для включения в хрестоматии заметно сокращение фрагментов, связанных с описанием эмоциональных состояний птиц, то есть характеристиках, основанных на антропоморфизме. Так, из перепечатанного в хрестоматии рассказа «Ночная тревога» удалены описания тоски домашних гусей и уток по свободному полету [Флеров, 1929, с. 70]. К концу 1920-х и началу 1930-х тенденция нормализовать ответы на экзистенциальные вызовы проявляется все отчетливее.

Сравним версии заметки «Сосунки в снегу» в издании «Лесной газеты» [Бианки, 1929, с. 13–14] и в книге для чтения для второго класса, составленной Е. Я. Фортунатовой [Фортунатова, 1933, с. 72]:

Бианки, 1929 г.

У зайчихи родились маленькие зайчата. Их два. Они похожи на клубочки мягкой шерстки с ножками. Родились они прямо на снегу, на наст. Поэтому их зовут настовиками. Глаза у зайчат с самого начала были открыты. Через несколько часов после их появления на свет зайчиха-мать проголодалась, оставила их в снегу и побежала кормиться в лес. Когда она вернулась, на старом месте ни одного зайчонка не было. Они уже научились бегать. Им наскучило ждать, и они удрали. Перепуганная мать принялась громко хлопать длинными ушами. Один из зайчат оказался поблизости. Он услышал этот звук и прибежал к матери. Другой заблудился или замерз, а может быть, его съела лисица.

Фортунатова, 1933 г.

У зайчихи родились маленькие зайчата. Шестеро. Они похожи на клубочки мягкой шерсти с ножками. Родились они прямо на снегу. Глаза у зайчат с самого начала открыты. Через несколько часов после их появления на свет зайчиха-мать проголодалась. Она оставила их в снегу и побежала покормиться в лес. Когда она вернулась на старое место, ни одного зайчика не было. Перепуганная мать принялась хлопать длинными ушами. Так зайчиха зовут своих детенышей. На ее зов вернулись только трое из шестерых. Остальные заблудились и замерзли. А может быть, их съела лисица.

Оставляя в стороне комментарии по поводу введения Бианки зоологической терминологии (наст → настовики), обратим внимание только на увеличение количества детенышей: с двух до шести, и соответственно одного и трех выживших. Чем вызвано увеличение поголовья зайцев, остается только гадать, можно

предложить, что лучше больше выживших зайцев, чем меньше. Заметно, что Фортунатова сокращает аргументы поведения детенышей (*они уже научились бегать; им наскучило ждать, и они удрали*), а сами они из *зайчат* превращаются в *зайчиков*: от термина – к уменьшительному разговорному наименованию детенышей. Антропоморфизм Бианки (прежде всего проявляющийся в передаче эмоционального состояния животных – «наскучило ждать») сменяется анекдотом о заблудившихся/съеденных зайчиках.

Помимо сокращения авторы хрестоматий прибегали к заменам. При переносе в хрестоматию тексты перерабатываются, чтобы придать содержанию узнаваемость, заменить одни реалии на другие, более универсальные, например, в заметке «Стеклянные лягушата» [Бианки, 1929, с. 166–167] действующие лица – «*наши лескоры*», а в хрестоматии – «*ребятишки*» из «*одной деревни под Ленинградом*» [«В новой школе», 1929, с. 215]. Следуя традиции переименовывать тексты, включаемые в хрестоматии (см. об этом [Сенькина, 2014, с. 355–356]), заменено и название заметки («Стеклянные лягушата» на «Замороженные лягушата») с целью снять его метафоричность. Это связано с дидактическими задачами хрестоматии: «Изменение названия выполняло уточняющую и объяснительную функцию, обозначая для учащегося те смыслы, которые необходимо вычитать из текста» [Сенькина, 2014, с. 356].

Тем не менее не всегда составители стремились редуцировать авторский вариант или вносить в него какие-то замены: в пособии для рассказывания А. Канарской и Т. Фарафоновой, вышедшем в 1927 г., текст Бианки приведен без сокращений [Канарская, Фарафонов, 1927, с. 106–109]. В это же пособие были включены полные версии и других рассказов – «Кукушонок», «Кто чем поет», «Первая охота». Без изменений, например, перепечатывались «Игры и пляски» [Бианки, 1929, с. 44–45] в той же хрестоматии [«В новой школе», 1929, с. 322] или «Жертвы стужи» [Бианки, 1929, с. 165–166] в ней же [«В новой школе», 1929, с. 214–215].

Глядеть на мир открытыми глазами...

Еще одним важнейшим свойством натуралистической прозы Бианки является особенность авторской точки зрения. Именно применительно к наблюдениям над природой в детской литературе стал формироваться новый тип повествования – заметки очевидца.

Можно было бы ожидать, что будут и иные сюжетно-тематические разновидности, позволяющие изобразить ребенка-наблюдателя, например, путешествие. Однако при всем разнообразии произведений о мешочниках и беспризорных странниках в 1920-е гг. в них не предпринимались попытки представить ребенка-наблюдателя. Равно как и в производственной книжке, которая писалась и в форме экскурсий на заводы и стройки. В этих книгах рецептивные особенности непосредственного наблюдения никак не изображались [см., например, Лопатин, 1925; Сурожский, 1925].

Единственным тематическим полем, на котором разрабатывался новый тип нарратора – я-повествование наблюдателя, стало знакомство с окружающим природным миром. В журнальных публикациях можно встретить короткие зарисовки и заметки о том, как ребенок наблюдает какой-то случай из жизни природы. К примеру, заметка «Воробушки» начинается со слов: «Иду как-то садом, – слышу писк, мяуканье, шум в кустах. Раздвинул ветви. Вот так история!» [Власов, 1924, с. 12]. Регулярно публиковались короткие заметки юных корреспондентов, описывающих те или иные ситуации, подчас анекдотические, с участием домашних и диких животных.

В 1920-е гг. интенсивно развивалось юннатское движение, в основе которого лежали прежде всего методы наблюдения за миром природы, во вторую очередь – опытные производства. В этом контексте натуралистическая проза В. Бианки выглядела весьма новаторской и вполне современной, отвечала на запросы на естественнонаучное просвещение детей и привитие идей невмешательства в природный мир и стороннего его созерцания. Не случайно в отзывах на книжки писателя подчеркивалось, для «юннатов – активных наблюдателей природы» [Яхонтов, 1929, с. 49] произведения Бианки – важнейшее подспорье в формировании навыка всматривания в природу.

Однако при помещении произведений Бианки в книги для чтения это их полезное свойство редуцировалось, будучи изъятым из нарративного целого. Так происходит с текстом «Первая телеграмма из лесу» из «Лесной газеты» [Бианки, 1929, с. 13], включенным в хрестоматию Е. Я. Фортунатовой [Фортунатова, 1933, с. 72].

Бианки, 1929 г.

Прилетели стаи грачей. Весна началась. Родились первые зверята. У лосей и козуль отрастают новые рога. Волки, лисицы, зайцы, белки, куницы начали перекрашиваться в летние цвета. В лесу запели чижи, синицы и корольки. Ждем скворцов и жаворонков. Мы отыскивали берлогу медведя под корнями вывороченной ели. Дежури́м, сообщим о его выходе. Струйки тающего снега собираются подо льдом. В лесу капель: тает снег на деревьях. По ночам морозы куют лед.

Фортунатова, 1933 г.

Прилетели стаи грачей. В лесу запели чижи, синицы и корольки. Ждем скворцов и жаворонков. Струйки талого снега собираются подо льдом. В лесу капель: тает снег на деревьях. По ночам морозы сковывают лед. Самка-ворона снесла первое яйцо. Чтобы яйцо не застыло и птенчик в нем не замерз, ворониха не оставляет гнезда. Пищу ей приносит ворон. Вода выступает на лед. Снег рушится, а глухари токуют, дятлы барабанят. Медведь еще спит.

При общем сохранении «телеграммного стиля письма» значимы отличия. У Бианки – дробные визуальные образы (стаи грачей, детеныши, перечисление животных, меняющих окраску) создают с одной стороны густонаселенность леса животными, а с другой – за визуальным образом следуют звуки (трели разных птиц). Затем вводятся рассказчики и одновременно наблюдатели («мы отыскивали» – спец. корреспонденты, указанные в заголовке у Бианки). Они – активные участники наблюдения за медведем. В финале зарисовки дана общая погодная характеристика неживой природы. У Фортунатовой при переработке сохраняются только упоминания птиц, описание неживой природы помещены в середину текста. Не сохранена последовательность *вид-звук-вид/звук*. В сокращенном виде вставлен фрагмент другого текста Бианки – «Первое яйцо» – о вороне и ее первом зимнем птенце. В финале сообщается о спящем медведе, информация о нем дается вне присутствия наблюдателя как любое внешнее по отношению к объекту наблюдения энциклопедическое знание.

Мир зимней природы и ее обитателей в изложении Фортунатовой нормализован, рассказчик видит меньше животных и птиц (чтобы не рассеивать внимание читателя), особенности его восприятия (сначала увидел, потом услышал) никак не передаются, нет интериоризации (такую картину можно увидеть и из окна, а то, что медведь зимой спит, и так рассказчику известно, искать его в снегу не надо). Таким образом, то, что является новаторством монтажного натуралистического письма Бианки, в хрестоматии устраняется, выпрямляется и приобретает целостность. Такое видение лишено стыков и разрывов, оно демонстрирует

живописное расположение персонажей на картинке, микродинамики, столь свойственной «Лесной газете», в хрестоматии нет.

Выявленные особенности хрестоматизации произведений В. Бианки не являются оригинальными по отношению именно к ним. На примере Бианки мы продемонстрировали известные приемы сокращения художественного текста для включения его в хрестоматию. Однако если в целом взглянуть на зообеллетристику 1920-х гг. (прежде всего на новаторство зообеллетристики Бианки) и ее хрестоматизацию в те же годы и затем в 1930-е, заметно, насколько хрестоматия невосприимчива к текущим нарративным экспериментам и мировоззренческим сдвигам, стоящим за ними.

Инерция хрестоматизации произведений для начального обучения чтению проявляется прежде всего в редуцировании тех элементов, которые контрастируют со сложившимся «образом» хрестоматийного текста. С точки зрения составителей хрестоматии, прежде всего, это линейное повествование с одним-двумя персонажами, лишённое конкретных деталей описание места и времени действия, отсутствие указаний на прототипы событий и их очевидцев. Опираясь на это представление об учебном тексте, авторы хрестоматий сокращают в текстах Бианки описательные детали, разреживают количество персонажей, генерализируют события и в конечном итоге трансформируют и нарративную специфику (аннигиляция нарратора и монтажных принципов композиции), и авторские идейные интенции.

Нормализация и стабилизация нарратива о природе в хрестоматиях может интерпретироваться как охранительная стратегия образования как такового. Тем не менее особенно заметно это вмешательство не в линейные нарративы в духе О. Перовской или М. Пришвина, а при использовании экспериментальных опытов авангардистов – таких, как Виталий Бианки.

Литература

1. Алексеева А. В., Беляков Н. Д., Орлова В. Г., Флеров О. В. Ребята-октябрята: Книга после букваря для 1-го года обучения в городской школе: Обществоведение. Естествознание. М.: Моучгиз, 1932. 96 с.
2. Бианки В. В. Чей нос лучше? Пг.; М.: Радуга, 1924. 16 с.
3. Бианки В. В. Лесная газета. М.; Л.: Госиздат, 1929. 192 с.
4. В новой школе: книга для работы во второй группе городской школы / сост. Е. Е. Соловьева [и др.]. М.; Л.: Госиздат, 1929. 383 с.
5. Васильев Г. П. В родном краю: рабочая книга для 3-го года обучения. М.; Л.: Гос. изд-во, 1927. 399 с.
6. Венгров Н., Осмоловский Н. Мы в школе: книга вторая для работы в школах Сибири. Новониколаевск: Сибкрайиздат, 1924. 158 с.
7. Власов А. Воробушки // Мурзилка. 1924. № 3. С. 12.
8. Зеленый шум: хрестоматия для трудовой школы: второй год / сост. Е. Е. Соловьева [и др.]. М.; Л.: Госиздат, 1925. 388 с.
9. К новой жизни: рабочая книга для второго года обучения городской и фабрично-заводской школы I ступени / И. И. Лесневский [и др.]. М.: Работник просв., 1930. 295 с.
10. Канарская А., Фарафонтон Т. Прочитай и расскажи: пособие по рассказыванию в младших группах школы I ступени. В 6 кн. М.: Работник просвещения, 1927.
11. Лопатин П. Моя поездка на Волховстрой. М.: Молодая гвардия, 1925. 42 с.
12. Маслинская С. Г. Зообеллетристика начала XX в.: авангард и педагогика // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 4: Педагогика. Психология. 2020. Вып. 57. С. 136–150.

13. Сверчков И. Хрестоматия Восьмилетка: книга для I отделения сельской школы. Л.: Госиздат, 1924. 226 с.
14. Сенькина А. Трансформации художественного текста в хрестоматиях XIX в.: к вопросу о школьном каноне // Детские чтения. 2014. № 2 (6). С. 349–365.
15. Соколова А. Ф., Соколова К. Н. День за днем: Первая книга для чтения в деревенской школе. М.; Л.: Гос. изд-во, 1926. 208 с.
16. Соколов К. Н. Игра и труд: Вторая книга для чтения и работы в городской школе. М.; Л.: Гос. изд-во, 1929. 199 с.
17. Старцев И. И. Детская литература: библиография [Вып. 1]: 1918-1931. М.: Мол. гвардия, 1933. 328 с.
18. Старцев И. И. Детская литература: библиография [Вып. 2]: 1932-1939. М.: Мол. гвардия, 1941. 376 с.
19. Сурожский П. На Волховстрое. М.; Л.: Мол. гвардия. 1925. 62 с.
20. Устинов И. В. Новь: рабочая книга на 2-м году обучения в сельской: с материалом для развития навыков в чтении, письме и счете / сост. А. Лебедев, В. Поляков, В. Устинов, В. Давыдов. Л.: Гос. изд-во, 1925. 168 с.
21. Флеров О. В. Ясное утро: книга для работы и чтения на 2-м году обучения. М.; Л.: Гос. изд-во, 1929. 383 с.
22. Флеров О. В. Ясное утро: книга для чтения и работы в первой группе сельской школы. М.; Л.: Госиздат, 1930. 240 с.
23. Фортунатова Е. Я. Книга для чтения для второго класса. М.: Гос. учеб.-пед. изд-во, 1933. 177 с.
24. Яхонтов А. А. Свежая струя в нашей детской зообеллетристике (о книжках Виталия Бианки) // Книга детям. 1929. № 4-5. С. 47–52.

Статья поступила в редакцию: 27.06.2022
Одобрена после рецензирования: 12.09.2022
Принята к публикации: 03.10.2022

The article was submitted: 27.06.2022
Approved after reviewing: 12.09.2022
Accepted for publication: 03.10.2022